

«Нужно больше времени, чтобы люди перестали перебирать музейные экспонаты»

ФОТО: НАТАЛЬЯ РАЗИНА

Вчера в Мариинском театре премьерной программой «Баланчин—Доусон—Форсайт» открылся Пятый Международный фестиваль балета. Талантливый нидерландский хореограф Дэвид Доусон—дебютант на сцене Мариинского театра. Балет «Серое пространство» Доусона москвичи помнят по осеннему фестивалю

Grand Pas, теперь его постановку Reverence можно увидеть в Мариинском. Перед премьерой специально для «Известий» интервью у Дэвида Доусона взяла **Ксения Елкина**.

известия: Как вы оказались в Мариинском?

Дэвид Доусон: Мне позвонил директор балета Махар Вазиев и пригласил посмотреть труппу, которая должна была выступать в Берлине. Я был удивлен и вовсе не думал, что он хочет пригласить меня ставить для Мариинки. Они организовали мой приезд, я посмотрел спектакли. Мне понравилось. Махар спросил, не хочу ли я поставить что-нибудь. Я ответил: «Да, но когда?» У меня напряженный график, у труппы тоже... Он ответил, что сделать это нужно как можно быстрее. Мы нашли четыре недели в конце февраля—начале марта. И вот я здесь.

известия: Вы обычно работаете с балетными танцовщиками или с теми, кто специально обучался современному танцу?

Доусон: Всегда только с балетными. Я работаю в Национальном балете Нидерландов. Это очень крупная балетная компания. Мои танцовщики работают на пуантах, я использую множество сугубо балетных

элементов. Используя классический вокабуляр, я делаю нечто соответствующее современности и моему пониманию танца.

известия: Каковы корни вашего искусства?

Доусон: Французский балет, русский балет, Фокин, модерн в лице Марты Грэм, вагановская школа, Баланчин, Форсайт... Я черпаю вдохновение из всей истории танца. Кстати, название моей постановки для Мариинского театра—Reverence—некий реверанс русской школе. Танец для меня—медиум, посредством которого я и мои танцовщики выражают себя и свои чувства на сцене.

известия: Русский балет имеет мощную традицию, но практически беспомощен в сфере актуального искусства. Как вы думаете, почему?

Доусон: Мне кажется, любой художник принадлежит той действительности, в которой живет. Россия долгое время была закрытым миром, искусство было законсервировано, не имело возможности развиваться. Лишь 15 лет назад русские начали вливаться в мировой процесс. Нужно гораздо больше времени, чтобы люди перестали перебирать музейные экспонаты и поняли, как работать с современностью.